

Стоя въ столовой во время обѣда, услуживая гостямъ, бойкій мальчикъ не ограничивался тѣмъ, чтобы угождать господамъ. Нѣтъ, онъ зорко наблюдалъ за ихъ разговорами, за ихъ поступками и движеніями. Короче, онъ изучалъ людей. Это былъ юноша съ поразительной наблюдательностью. Въ столовыхъ, залахъ и гостиныхъ онъ изучалъ типы господъ, въ переднихъ и дѣвичьихъ—типы прислуги, а въ деревнѣ—народъ.

Благодаря этимъ наблюденіямъ, онъ на сценѣ въ послѣдствіи создалъ живыхъ лицъ съ мастерскою, неподражаемою правдивостью.

Въ половинѣ ноября упомянутого нами тысяча восемьсотъ пятого года актриса Лыкова заѣхала къ „господамъ“ и поднесла имъ афишу, на которой было напечатано объявление о ея предстоящемъ бенефисѣ. Графъ взялъ у нея билетъ на спектакль, заплатилъ за него, конечно, какъ это водилось у „господъ“, съ лихвой и обратился къ Щепкину съ приказаніемъ:

— Миша, проводи г-жу Лыкову въ чайную и скажи Парашѣ, чтобы она напоила ее кофеемъ.

Въ то время не смотрѣли на актеровъ, какъ на равныхъ всѣмъ людямъ. Ихъ не сажали въ гостиной и вообще обращались съ ними, какъ съ низшими, и очень часто говорили имъ *ты* вмѣсто *вы*. Вотъ почему графъ спровадилъ актрису къ Парашѣ, въ столовую, вмѣсто того, чтобы занимать ее въ гостиной.

За чаемъ Миша услышалъ, что г-жа Лыкова жалуется на одного пьяницу-актера, изъ-за котораго можетъ не состояться спектакль. Онъ проигралъ свое послѣднее платье и находился въ трактирѣ въ